

Н. Г. Пашкин

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД НА ПУТИ К КОНСТАНЦКОМУ СОБОРУ

В статье исследуются отношения Византии и латинского Запада накануне Констанцского собора (1414–1418). Собор в Констанце рассматривается в контексте столкновения между королем Сигизмундом Люксембургом и Венецианской республикой. Проект церковного собора возник с целью разрешения данного конфликта при посредничестве папы римского. В этом же был заинтересован и византийский император Мануил II Палеолог, так как европейский конфликт сопровождался попыткой Сигизмунда организовать крестовый поход против османов. Однако идея короля о союзе против турок шла вразрез с интересами Византии, которая в тех условиях стремилась сохранить нейтралитет. Высказывается предположение, что настоящей целью византийского императора было содействие посреднической миссии папы. Контакт между ними был возможен в форме переговоров о церковной унии. Под этим углом зрения освещается визит в Констанц в 1415 г. византийского дипломата Мануила Хрисолоры. По мнению автора, ситуация осложнялась тем, что до начала собора не сложились предпосылки разрешения конфликта между западными государствами. Это актуализировало обсуждение на Констанцском соборе проблемы латинской схизмы и сделало неизбежным низложение антипапы Иоанна XXIII. Таким образом, решение проблемы, которая стояла перед греками, отодвигалось до выборов нового римского понтифика.

Ключевые слова: Византия; Венеция; Флоренция; Констанцкий собор; Сигизмунд Люксембург; антипапа Иоанн XXIII; турки

Цитирование: *Пашкин Н. Г.* Византия и Запад на пути к Констанцскому собору // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 277–304. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.018>

Поступила в редакцию 06.08.2021

Принята к печати 11.10.2021

Н. Г. Пашкин

Nikolai G. Pashkin

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

BYZANTIUM AND THE WEST ON THE WAY TO THE COUNCIL OF CONSTANCE

This paper examines the connections of the Byzantine Empire and the Latin West on the eve of the Council of Constance. This Council has been analysed in the context of the conflict of King Sigismund of Luxembourg and the Republic of Venice. The project of the church council appeared in order to solve the conflict with the Roman pope as the mediator. Byzantine Emperor Manuel II Palaiologos had the same interest as the European conflict was accompanied with Sigismund's attempt of arranging an anti-Ottoman crusade. However, the King's idea of an anti-Turk alliance contradicts to the interests of Byzantium which tried to keep neutrality under the current conditions. The author suggests that the Byzantine Emperor's real aim was to assist the pope's intermediary mission. Their contact was possible as negotiations concerning the church union. Byzantine diplomatist Manuel Chrysoloras' visit to Constance has been analysed from the said standpoint. The situation was complicated by the fact that the prerequisites for solving the conflict of Western powers did not develop before the Council started. Therefore, the discussion of the Latin schism became topical at the Council of Constance, and the deposition of the Antipope John XXIII became inevitable. Thus, the solution of the problem facing the Greeks was postponed until the election of a new Roman pontiff.

Keywords: Byzantium; Venice; Florence; Council of Constance; Sigismund of Luxembourg; Antipope John XXIII; Turks

For citation: Pashkin, N. G. (2021). Vizantiia i Zapad na puti k Konstantsskomu soboru [Byzantium and the West on the Way to the Council of Constance]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 277–304. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.018>

Submitted: 06.08.2021

Accepted: 11.10.2021

В истории Констанцского собора (1414–1418) отношения Византии и Запада оставили едва заметный след¹. Он затмевается такими известными событиями, как ликвидация Великой латинской схизмы (1378–1417), положившая конец троепапству, суд над Яном Гусом и,

¹ О византийском присутствии на Констанцском соборе см.: Пашкин Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. Екатеринбург, 2007. С. 59–63; Brandmüller W. Das Konzil von Konstanz 1414–1418. Paderborn, 1997. Bd. 2. S. 185–199; Kolditz S. Byzanz und das Konstanzer Konzil (1418–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliaren Korrespondenz Sigismunds und Manuels II // JÖB. 2017. Bd. 67. S. 43–64.

наконец, церковная реформа. Само появление греков в Констанце историография обычно рассматривает как одно из многочисленных звеньев в последующей цепочке контактов, целью которых была церковная уния между Константинополем и Римом. Традиционно считается, что таким способом византийцы стремились заручиться поддержкой западных христиан в своей борьбе против турок. Однако анализ международных отношений, подготовивших собор, позволяет прийти к выводу, что в действительности проблема гораздо сложнее. Вопросы встают уже при тщательном знакомстве с документом, послужившим основанием для приезда византийского посольства в немецкий город, расположенный на берегу Боденского озера.

Констанцский собор в своих истоках был результатом политики короля Сигизмунда Люксембурга (венгерский король в 1387–1437 гг., с 1410 г. – римско-германский король, с 1433 г. – император)². Из его же канцелярии летом 1414 г., за несколько месяцев до открытия церковного форума, вышло письмо, адресованное византийскому императору Мануилу II Палеологу (1391–1425)³. Именно в нем содержалось официальное предложение направить в Констанц миссию из Константинополя. Это обращение Сигизмунда на самом деле было продолжением его политических контактов с Востоком, начавшихся несколькими годами ранее. Два предыдущих послания короля, хорошо известные в историографии, были отправлены в Константинополь не позднее весны 1412 г.⁴ В обоих документах автор ставил перед правителем Византии вопрос о церковной унии и о возможном союзе против турок. В письме, которое уверенно можно отнести к марту-апрелю 1412 г., имела место также попытка использовать Византию в военном конфликте короля с Венецией (1411–1413).

Письмо от 1414 г., как следует из его содержания, являлось реакцией Сигизмунда на визит византийского дипломата Иоанна Хрисолоры. При беглом рассмотрении цель посольства выглядит лежащей на поверхности. Текст источника позволяет сделать внешне вполне закономерный вывод, что Византия искала на Западе помощи против турок. По словам Сигизмунда, от Хрисолоры он узнал о тяжких бедствиях, которые переживала греческая столица. Ответ, данный королем, в таком случае должен был пробудить надежду на Востоке. Люксембург сообщал императору Мануилу II о предстоящем соборе в Констанце, назначенном на ноябрь

² О роли короля Сигизмунда в подготовке Констанцкого собора см.: *Brandmüller W.* Das Konzil von Konstanz 1414–1418. Paderborn, 1990. Bd. 1. S. 116–127.

³ *Acta Concilii Constanciensis* / Hrsg. H. Finke. Münster, 1896. Bd. 1. № 113. S. 399–401 (далее – ACC).

⁴ ACC. Bd. 1. № 111. S. 391–394; № 112. S. 394–399. К вопросу о датировке этих источников см.: *Kolditz S.* Byzanz und das Konstanzer Konzil... S. 46–50.

того же года, и рекомендовал отправить туда византийскую миссию. Он считал нужным подчеркнуть, что будет рад снова увидеть во главе нее Иоанна Хрисолору либо же иного посланника⁵. Автор утверждал, что на открывающемся соборе он рассчитывает обсудить меры по борьбе с турками⁶. Речь, таким образом, шла о вероятном проекте Крестового похода, в котором Византия, по его мнению, могла принять участие.

Однако встает вопрос: действительно ли цель визита Иоанна Хрисолоры на Запад, вытекающая из такой трактовки источника, соответствовала характеру военно-политической обстановки на Востоке? К моменту его приезда прошел примерно год с того времени, как там завершился период османского «междоусобицы» (1402–1413). На престол в Адрианопле взошел Мехмед I (1413–1421), которого Византия поддерживала в борьбе с предыдущим турецким правителем – Мусой Челеби (1411–1413). Первые после битвы при Анкаре (1402) держава османов вновь приобрела формально единого лидера. Положение Мехмеда I, правда, не было прочным. После номинального утверждения в Румелии ему еще предстояло обеспечить себе твердое признание в Анатолии. Но тем меньше оснований могло у него быть для расторжения союзных отношений с Константинополем. Между Византией и султаном царил мир. Конечно, император мог рассматривать его как временную передышку и спешить с поиском союзников на Западе. Но можно допустить, что альтернативой такому пути был курс на закрепление, а не разрушение мира.

Отношения византийского правителя с новым предводителем османов напоминали фундамент, на котором строился договор, заключенный в Галлиполи в 1403 г. после битвы при Анкаре с его братом Сулейманом (1402–1411)⁷. Он просуществовал несколько лет и был уничтожен лишь по причине междоусобицы внутри османской династии. По ее окончании договор связывал Мехмеда I не только с Византией. Союзником султана был сербский деспот Стефан Лазаревич (1389–1427). Мирные отношения установились у него даже с недавним противником – валашским господарем Мирчей I (1386–1418)⁸. Из опыта десятилетней давности вполне могла возникнуть идея включения в эту систему и латинских государств, имеющих интересы

⁵ ACC. Bd. 1. S. 401 (см. сноски № 3): «...nobilem Johannem Chrissoloram... ad vestram presentiam redeuntem vestre celsitudini commendamus. Et... vel mittere decreveritis alios nuncios... eos gratanter videbimus...»

⁶ Ibid.: «Concilium profecto generale sollicitudinis nostre cura dirigente in Alamania in civitate Constanciensi... providimus convocandum... in quo... speramus contra infideles paganos et precipue Turcos remedia vobisque et... civitati Constantinopolitane de magnificis studiis providere».

⁷ Dennis G. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72–88.

⁸ Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1908. Bd. 1. S. 362.

на Востоке. В их числе, безусловно, находились Венгерское королевство и Венецианская республика.

Сложность решения задачи заключалась в противоречиях, сталкивающих эти две силы на Балканах и уже спровоцировавших первую вспышку военного конфликта между ними в 1411–1413 гг. Но именно поэтому перед Византией открывалась возможность, используя союзный договор с султаном и собственный нейтралитет, выступить в роли универсального посредника. Играя эту роль, император оказывался бы, с одной стороны, стоящим между османами и условным Западом, а с другой – между силами, входившими в него. Предложение о посредничестве действительно было сделано императором. О нем известно по реакции венецианского Сената, имевшей место в январе 1414 г.⁹ Воцарение Мехмеда I произошло в июле предыдущего года. Если предположить связь между этими событиями, то необходимо задаться вопросом: чего же выжидал византийский правитель в течение нескольких месяцев? Ответ на него следует искать в текущей ситуации на Западе. Но прежде необходимо завершить перечень проблем, возникающих при знакомстве с источником.

Текст документа отличает особенность, на которую обратил внимание еще его издатель Г. Финке, сопоставляя последнее перед Константинопольским собором послание короля в Константинополь с двумя предыдущими обращениями его к императору Мануилу II¹⁰. На этот раз Сигизмунд даже не коснулся вопроса о церковной унии. Позиция короля каким-то образом изменилась за те два года, в течение которых было подписано его перемирие с Венецией и решен вопрос о месте и времени проведения собора. Говоря об этом, нельзя пройти мимо еще одного факта, над которым заставляет задуматься источник. Хотя организация собора была абсолютной заслугой Сигизмунда, формально он все-таки созывался папой Иоанном XXIII (1410–1415). Поскольку западная церковь продолжала жить в условиях Великой латинской схизмы, то последний был одним из трех антипап наряду с такими фигурами, как Григорий XII (1406–1415) и Бенедикт XIII (1394–1417). В одном из предыдущих посланий на Восток Сигизмунд, поднимая вопрос о церковной унии, делал хорошо заметный акцент на признании им исключительной легитимности Иоанна XXIII (*unicus, verus papa*)¹¹. Напротив, письмо с приглашением византийского посольства на Константинопольский собор, кроме того, что оно не касается униатской тематики, не содер-

⁹ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München ; Berlin, 1965. Bd. 5. № 3335; Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie / ed. F. Thiriet. Paris, 1959. T. 2. № 1514; Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades XVe siècle. Paris ; Bucarest, 1899. Bd. 1. P. 217.

¹⁰ ACC. Bd. 1. S. 400. Anm. 2.

¹¹ Ibid. S. 393 (см. сноску 4).

жит также ни одного упоминания о понтифике. В тот момент никаких официальных перемен в отношениях между ним и королем не наблюдалось, из-за чего молчание Люксембурга о папе выглядит странно.

Ко всему сказанному остается добавить деталь, которая только на первый взгляд не вызывает вопросов. Сигизмунд пожелал увидеть в качестве вероятного представителя императора на Констанцском соборе Иоанна Хрисолору, с которым он провел последние переговоры. За его упоминанием последовала, как может показаться, тактичная оговорка о том, что в этой роли могут прибыть и другие лица. Надо заметить, одно из таких неназванных лиц было автору письма очень хорошо знакомо и имело не меньше шансов стать будущим послом. Но почему-то король не назвал его имени.

Речь идет о старшем родственнике Иоанна Хрисолоры – Мануиле, который в тот момент был недалеко. Иоанн, скорее всего, встречался с Сигизмундом на северо-западе Италии в местечке Понтестура. Известно, что там 15 июня 1414 г. король принял его в состав своего двора, присвоив византийскому послу почетный титул *comes palatinus*¹². Сообщая о проведенных переговорах в Константинополь, Сигизмунд упоминал дипломата в этом качестве, тем самым подчеркивая свое особое доверие к нему. В Константинополе могли бы оценить это. Тем примечательнее, что через полгода в Констанц отправится все-таки не Иоанн Хрисолора, а именно Мануил. Последний с 1407 г. находился на Западе, а с самого начала понтификата Иоанна XXIII входил в его окружение¹³. Мануил, кроме того, встречался с Сигизмундом, находясь в составе папского посольства в момент принятия ключевых решений о созыве Констанцского собора. Имелись, таким образом, основания ожидать, что точно так же вместе с папой он явится на собор. Однако загадочный язык королевского письма словно просил византийского императора назначить для этой миссии Иоанна. Дело, конечно, было вовсе не в самой личности будущего посла, которого Сигизмунд хотел бы встретить на Констанцском соборе. Можно предположить, что молчание о Мануиле проистекало из умолчания короля о папе, возле которого долгое время находился Хрисолора. Иными словами, Люксембург избегал упоминания его имени, так как

¹² Regesta Imperii XI: Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437) / Hrsg. W. Altmann. Innsbruck, 1896–1897. Bd. I. № 981. По имеющимся данным, такой же титул король одновременно пожаловал и Мануилу Хрисолоре, хотя о пребывании последнего в Понтестуре ничего не известно (см.: Regesta Imperii XI... № 983). В связи с этим еще сильнее обращает на себя внимание тот факт, что Сигизмунд не упомянул о нем в письме императору.

¹³ Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt/M., 2006. S. 73–87.

косвенно оно указывало на понтифика. Этим он исключал любой намеренный на свое отношение к последнему. Возможно и другое объяснение, не исключающее, а дополняющее первое. Король давал понять императору о своем желании, чтобы тот, принимая решение об отправлении посольства на церковный собор, отказался от политического курса, который каким-то образом ассоциировался с фигурой Мануила Хрисолоры. Чтобы получить ответ на поставленные вопросы, необходимо обратиться к самым истокам собора в Констанце.

Собор берет свое начало в недрах европейской политики, где в это время разыгрывался конфликт Сигизмунда Люксембурга с Венецией. Поводом к нему стали притязания морской Республики на Далмацию, считавшуюся владением венгерской короны. После избрания Сигизмунда римским королем (1410/1411) борьба перешла в плоскость противостояния Венеции со Священной Римской империей, из-за чего ее главной ареной стали не Балканы, а Италия. В результате особое значение здесь приобретал папа. В его руках была возможность признать права Люксембурга на императорскую корону. Потенциальный союз понтифика с Сигизмундом оказывался дамкловым мечом, который висел над Венецией, и есть серьезные основания считать, что манипулировать этим мечом пытался еще один участник тех событий – Флоренция¹⁴. Впрочем, последняя, в свою очередь, сама рисковала оказаться под ударом такого серьезного игрока, как неаполитанский король Владислав Дураццо (1386–1414).

На политической доске папа фактически был управляемой фигурой. Опыт истории латинской схизмы, тянувшейся с 1378 г., уже подсказывал, что такую фигуру можно попросту создать и ввести в игру. Именно это продемонстрировал собор в Пизе 1409 г., созданный под благовидным предлогом ликвидации церковного раскола на Западе¹⁵. Главными творцами собора стали Флоренция и французская корона. По своей природе он был зеркалом этого политического альянса, который поддерживали группы кардиналов, вышедшие из партий обоих антипап – «авиньонского» Бенедикта XIII и «итальянского» Григория XII. В Пизе те были заочно низложены, после чего первый сохранил покровительство лишь в Испании, а второй до лета 1412 г.

¹⁴ О происхождении и развитии конфликта Сигизмунда с Венецией сквозь призму интересов итальянских государств см.: Пашкин Н. Г. Средиземноморский вектор международных отношений в зеркале конфликта Сигизмунда Люксембурга с Венецией (1411–1413) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840015139-1-1/>

¹⁵ *Girgensohn D. Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxis: Pisa 1409 // Vorträge und Forschungen. 2007. Bd. 67 : Die Konzilien von Pisa (1409), Konstanz (1414–1418) und Basel (1431–1449). S. 61–94.*

находился под защитой неаполитанского короля Владислава и имел значительную группировку своих сторонников в Германии. Пизанский собор провозгласил новым законным папой Александра V (1409–1410), которого уже через год сменил кардинал из его круга Бальтазар Косса, принявший имя Иоанна XXIII. Его выдвижению опять поспособствовала Флоренция¹⁶. При ее же участии силами герцога Анжуйского у неаполитанского короля был отбит Рим, куда понтифик въехал весной 1411 г. Правда, закрепиться в Италии французы не смогли.

В результате Пизанского собора латинская схизма не исчезла, приняв теперь форму «троепапства». Однако очевидный смысл произошедшего был не в попытке ее ликвидации, а в том, что еще один созданный папа стал источником напряжения между Римом и Неаполем. Вскоре он же явился одной из знаковых фигур в начавшемся конфликте между Венецией и королем Сигизмундом. Через два месяца после Пизанского собора Республика св. Марка заключила сделку с правителем Неаполя Владиславом, оспаривавшим у Люксембурга венгерскую корону и вместе с ней принадлежавшим ей номинальные права на адриатические порты Далмации. Выкупив эти права у Владислава, Венеция лишь после этого присоединилась к «пизанскому» церковному лагерю¹⁷. Следом началась сложная политическая интрига, в которой морская Республика могла рассчитывать на использование понтифика в деле соглашения с Сигизмундом. С одной стороны, папа был в состоянии способствовать избранию последнего римским королем, узаконить его права на императорскую корону и заключить с ним союз против общего врага – Неаполя. Но для гипотетического похода в Италию наиболее надежный маршрут лежал через венецианскую терраферму. Венеция в такой ситуации была вправе ожидать, что папа признает претензии Сигизмунда на корону не ранее, чем тот договорится с морской Республикой.

За развитием отношений в треугольнике, связавшем венгерского короля, «пизанского» папу и Венецию, пристально следили из Константинополя, поскольку в конфликте латинских государств, очевидно, начинала разыгрываться турецкая карта. Это выразилось в одновременном обострении опасной для Византии борьбы между османскими династиями – Сулейманом и Мусой. В июне 1410 г. византийские дипломаты Мануил и Иоанн Хрисолоры оказались в Болонье. Здесь состоялась первая встреча посланника от Сигизмунда с «пизанским»

¹⁶ О роли Флоренции в избрании и утверждении папы Иоанна XXIII см.: *Brandmüller W.* Papst und Konzil im Grossen Schisma (1378–1431). Studien und Quellen. Paderborn, 1990. S. 71–84.

¹⁷ К вопросу о церковной политике Венецианской республики после Пизанского собора см.: *Girgensohn D.* Kirche, Politik und adelige Regierung in der Republik Venedig zu Beginn des 15. Jahrhunderts. Göttingen, 1996. Bd. 1. S. 337–343.

папой, на место которого всего за несколько недель до этого вступил Иоанн XXIII¹⁸. Византия, вероятно, уже тогда стремилась к посредничеству в урегулировании конфликта. В присутствии греков Сигизмунд имел возможность предложить на рассмотрение папы проект церковной унии и в этой форме выразить гарантированное признание понтифика, получив от него взамен права на императорскую корону. Но согласие Византии на переговоры об унии могло быть обусловлено обязательством самого папы перед Венецией признать претензии короля лишь после соглашения его с Республикой. Такой подход был вполне разумным: Сигизмунд получал бы корону, папа – защиту от Неаполя, Венеция – Далмацию, а Византия – урегулирование на Балканах в форме, скорее всего, близкой к договору 1403 г. Однако мир так и не был достигнут. В сентябре 1411 г. Сигизмунд, отвергнув все предложения Венеции, объявил ей войну. Это произошло через два месяца после того, как лояльные именно «пизанскому» папе курфюрсты провозгласили его римским королем¹⁹.

На пике военной фазы конфликта в апреле 1412 г. папа открыл церковный собор в Риме, который можно считать предтечей будущего форума в Констанце²⁰. На этом соборе Сигизмунд рассчитывал получить императорскую корону, что стало бы основанием для его похода в Италию. В планы Люксембурга уже тогда входил союз с византийским императором, которому он предлагал обсудить с понтификом вопрос о церковной унии²¹. Одновременно в близком по содержанию письме английскому монарху Генриху IV (1399–1412) король называл своей конечной целью крестовый поход против турок²². Фактически Венеции навязывался выбор. С одной стороны, эта была перспектива продолжения войны с Сигизмундом, грозившим собрать северную коалицию и с благословения папы начать поход за Альпы. Внешний контроль над Миланом и Неаполем не оставил бы Венеции никаких шансов на успех. С другой стороны, она могла избежать этого в форме

¹⁸ *Beckmann G.* Der Kampf Kaiser Sigmunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen. Gotha, 1902. S. 25–27, 35–36, 117–118. По окончании встречи Иоанн должен был вернуться на родину, а Мануил оставался на Западе в окружении папы Иоанна XXIII (см.: ACC. Bd. 1. S. 234; *Thorn-Wickert L.* Manuel Chrysoloras... S. 82–83). Об обстоятельствах, подготовивших эту встречу и сопутствующих ей см.: *Пашкин Н. Г.* О византийской реакции на Пизанский собор 1409 г. // АДСВ. 2019. Т. 47. С. 224–247; *Его же.* К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г. // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 156–171.

¹⁹ Первое избрание Сигизмунда состоялось еще в сентябре 1410 г. при участии сторонников антипапы Григория XII. См.: *Hoensch K. J.* Kaiser Sigismund. Herrscher an der Schwelle zur Neuzeit 1368–1437. München, 1996. S. 148–156.

²⁰ Об истории Римского собора 1412–1413 гг. см.: ACC. Bd. 1. S. 108–168.

²¹ ACC. Bd. 1. S. 393–394 (см. сноску 4).

²² *Ibid.* № 21. S. 88–92.

почетной капитуляции, поддержав идею крестового похода. По-видимому, именно на такой результат рассчитывал другой участник той сложной игры – Флоренция. Контакт ее с понтификом предшествовал решению, с которого события приняли новый оборот²³.

3 марта 1413 г. папа объявил о созыве нового собора, назначенного на декабрь. Однако вопрос о месте его созыва был временно оставлен открытым²⁴. Принятое решение означало, что вероятность скорого похода Сигизмунда вглубь Италии откладывается. На этом фоне ситуация несколько разрядилась, благодаря чему 17 апреля 1413 г. между Люксембургом и Венецией было подписано перемирие сроком на пять лет²⁵. Интрига состояла в том, что неопределенность с местом проведения будущего собора подразумевала возможность его созыва вне Италии. Отсюда следовало, что собор будет предшествовать итальянскому походу Сигизмунда, а не станет его триумфальным завершением, склоняющим Венецию к миру на условиях короля. У него был лишь определенный резерв времени, чтобы попытаться отстоять именно последнюю возможность и подготовить для такого похода надежный плацдарм. Его роль должна была сыграть Ломбардия. В результате немедленно после перемирия, заключенного с Венецией, объектом устремлений Сигизмунда стал Милан.

Формально Люксембург мог требовать подчинения себе миланского правителя Филиппо Мария Висконти (1412–1447), так как Милан считался номинальным владением империи. Но в 1395 г. при правлении Джан Галеаццо (1395–1402) он получил статус герцогства, пожалованный королем Венцелем (1376–1400, чешский король в 1378–1419 гг.). Это стало решающей причиной, вызвавшей задолго до описываемых событий конфликт последнего с курфюрстами и стоившей ему короны²⁶, обладателем которой теперь был его брат Сигизмунд. В отношениях между ним и Миланом отныне стоял вопрос о том, признает ли новый король герцогский титул за Филиппо Мария. Сигизмунд стремился избежать этого. Во-первых, возникала угроза возбудить недовольство курфюрстов и повторить судьбу Венцеля. Во-вторых, не в интересах

²³ Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien von Herbst 1412 bis zum Herbst 1414 // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1902. Bd. 4. S. 19. Anm. 3.

²⁴ Собор, созданный в Риме в апреле 1412 г., был распущен. Место нового собора папа обещал назначить в течение трех месяцев, но в действительности это произошло осенью 1413 г. См.: ACC. Bd. 1. № 40. S. 165–167.

²⁵ Regesta Imperii XI... № 464; Schiff O. König Sigmunds italienische Politik bis zur Romfahrt (1410–1431). Frankfurt/M., 1909. S. 31.

²⁶ После низложения Венцеля Люксембурга в 1400 г. римским королем был провозглашен Рупрехт III Пфальцский (1400–1410).

самого Люксембурга было признание за новым миланским правителем права на воссоздание державы Джан Галеаццо, а потому он готовился решать проблему подчинения Милана силой.

Угроза вторжения Сигизмунда в Ломбардию немедленно привела в движение Неаполь. В мае 1413 г. Владислав нарушил договор с папой, начал движение на Рим и уже 8 июня овладел городом. Курия бежала во Флоренцию. Последняя, не желая провоцировать неаполитанского правителя, разрешила понтифику пребывание лишь вне городских стен. Тем временем ее представители вступили в переговоры с Сигизмундом, чей двор находился тогда у границ Ломбардии. На переговорах рассматривалась возможность объединения усилий папы, Флоренции и короля против Владислава. Итогом стало знаковое решение понтифика. В июле 1413 г. он напрямую обратился к Сигизмунду. Папа предлагал вместе с Люксембургом решить вопрос о месте проведения церковного собора²⁷. 25 августа для переговоров по этому предмету он назначил миссию из двух кардиналов, в которую был включен Мануил Хрисолора, уже давно и неотступно сопровождавший понтифика²⁸. Так на пути, ведущем к Констанцскому собору, появился византийский след.

6 сентября посольство папы выехало на встречу с королем, которая впоследствии состоялась в местечке Тессерете в южной Швейцарии. Факт его прибытия туда зафиксирован 13 октября. Судя по времени, делегация не торопилась и, следовательно, дата начала переговоров зависела от меняющихся на ходу обстоятельств, которые можно проследить. Более чем за месяц произошли действительно серьезные события. 12 сентября Сигизмунд, находясь в швейцарском Куре, заключил союз с герцогом Карлом Орлеанским²⁹. Всего несколькими неделями ранее группировка орлеанистов пришла к власти в Париже. Таким образом, было заложено основание союза между Люксембургом и французской короной. Другим событием стал союз между Флоренцией и папой, заключенный 26 сентября³⁰. Фактически он был обращен против Неаполя. В те же дни Сигизмунд переступил границу Ломбардии. Всё шло к тому, что запланированные переговоры в Тессерете, на которых предстояло связать римского короля с понтификом, завершат процесс создания альянса в составе империи, Франции, Флоренции и папы. Сила этого

²⁷ ACC. Bd. 1. № 42. S. 237–239; Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz' IX bis zur Berufung des Konstanzer Konzils (1404–1413). Freiburg/Br., 1902. S. 141.

²⁸ Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras... S. 99; Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 29.

²⁹ Reitemeier A. Aussenpolitik im Spätmittelalter: Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England 1377–1422. Paderborn, 1999. S. 266.

³⁰ Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 33; Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 47. Anm. 4.

альянса должна была изолировать Милан, сдерживать Неаполь и повлиять на позицию Венеции, вынудив ее пойти на уступки Люксембургу.

Неудивительно, что к переговорам Сигизмунда с папскими дипломатами в Тессерете добавилась встреча короля с посольством из Милана. 23 октября 1413 г. представители понтифика и сопровождавший их Мануил Хрисолора стали свидетелями принесения присяги на верность Люксембургу от имени Филиппо Мария Висконти³¹. Общим итогом переговоров явилось решение о месте проведения церковного собора. Его предстояло открыть в Констанце 1 ноября следующего года. 30 октября 1413 г. король опубликовал соответствующую грамоту³². Таким образом, местом форума провозглашался город, располагающийся все-таки к северу от Альп. Данное решение подразумевало, что поход Сигизмунда и его союзников в Италию откладывается и ставится в зависимость от итогов будущего собора. Но главный сигнал тем самым посылался Венеции. До начала конгресса Республике предоставлялась возможность достижения с королем соглашения о мире.

Здесь необходимо задаться вопросом о том, какой же смысл таился в присутствии Мануила Хрисолоры на переговорах в Ломбардии. Исследователи не находят оснований считать, что Хрисолора располагал наряду с кардиналами, присланными папой, статусом такого же дипломата, представлявшего интересы понтифика. Нет никаких данных и об участии его в переговорах³³. Следовательно, официально он не выступал и в качестве собственно византийского посла. Несмотря на это, Мануил упоминается в грамоте Сигизмунда о созыве собора как лицо, присутствовавшее при принятии соответствующего решения вместе с кардиналами (*nobilis Manuel, miles Constantinopolitanus*). Правда, о каком-либо предполагаемом участии греков в предстоящем событии там ничего не говорилось. Но имеется и другой документ. Это письмо Сигизмунда с приглашением на собор французскому королю Карлу VI (1380–1422)³⁴. Считается, что оно появилось одновременно с королевской прокламацией в последние дни октября 1413 г. Одной из задач будущего собора в том послании была названа церковная уния с Востоком³⁵. Хроника из Сен-Дени сообщает, что через

³¹ Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 31; Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras... S. 100.

³² Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / ed. J. D. Mansi. Paris ; Leipzig. 1903. Vol. 28. P. 1–2 (далее – Mansi).

³³ Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras... S. 100–101.

³⁴ Mansi. Vol. 28. P. 3–6.

³⁵ Ibid. P. 6: «Agetur communi Concilio etiam de sedando vetustissimo antiqua et antiquata peste dissidio, quo universalis Ecclesiae unitatem Orientalis seu Græcorum dissensio damnabiliter secuit».

десять дней после переговоров в Ломбардии оттуда в Париж вернулось посольство с соответствующим докладом. Именно оно, таким образом, должно было доставить письмо от Люксембурга. Но автор хроники утверждал и то, чего в том письме не было. По его словам, он лично слышал от приехавших дипломатов, что Сигизмунд допускает возможность вызова на собор всех трех антипап³⁶. Как минимум, такое решение могло быть продиктовано необходимостью подтверждения легитимности одного из них³⁷. Однако Иоанн XXIII в тот момент пользовался безусловным признанием короля. К тому же этому папе и предстояло созывать собор.

По-видимому, все то, о чем идет речь, имело прямое отношение к появлению на октябрьских переговорах Мануила Хрисолоры. Именно ему были предназначены слова Сигизмунда о церковной унии, помещенные в послание Люксембурга французскому королю. Для этого достаточно было сделать открытым его содержание. Сам же способ трансляции объясняется тем, что разработкой повестки будущего собора занимался Парижский университет. Что касается другого заявления, дошедшего до нас через сообщение хрониста, то оно могло быть неофициально сделано в присутствии грека на встрече Сигизмунда с парижским посольством. Как ни странно, всего через полгода в его письме к византийскому императору тема церковной унии полностью исчезнет вместе с любым упоминанием о папе. Вместе с тем король словно забудет о старшем Хрисолоре, хотя Мануил был рядом с ним на исторической встрече, открывшей путь к Констанцскому собору. Отсутствие признаков наличия у византийца официального статуса не помешало королю вписать его имя в постановление от 30 октября.

Можно предположить, что в неофициальном характере присутствия и заключалась загадочная роль, которую играл Мануил в ходе предшествующих переговоров. В этом были заинтересованы все – папа, римский король и сам византийский император. Известный для всех факт заключался в том, что Хрисолора был близким другом последнего. Следовательно, через него можно было подать любой знак правителю в Константинополе. Именно эту цель преследовало заявление о церковной унии, сделанное Сигизмундом таким необычным образом. По-видимому, какое-то особое значение для византийцев имел и его тонкий намек на то, что в скором будущем положение «пизан-

³⁶ *Brandmüller W.* Das Konzil von Konstanz 1414–1418. Bd. 1. S. 119; ACC. Bd. 1. S. 219. Anm. 1.

³⁷ Существует опубликованное письмо короля антипапе Григорию XII с приглашением явиться на собор, которое также датируется в литературе концом октября 1413 г. (см.: Mansi. Vol. 28. P. 3). Однако о контактах Сигизмунда с ним в этот период нет никаких данных. Не исключено, что в тот момент письмо не было отправлено адресату.

ского» папы может пошатнуться. Сигизмунд явно зондировал почву на Востоке, рассчитывая получить положительный отзыв оттуда. Но присутствие Мануила Хрисолоры как частного лица означало необязательность ответной реакции из Византии на то, что он узнал. В лучшем случае грек был вправе заявить, что при удобном случае ознакомит императора с информацией, способной его заинтересовать. При этом за последним оставалась свобода в выборе формы и времени ответа, включая возможность отреагировать многозначительным молчанием. Таким образом, после октября 1413 г. можно было ожидать отклика из Византии параллельно с какими-то важными событиями, от исхода которых, вероятно, зависела судьба папы Иоанна XXIII.

Действительно, еще одним результатом переговоров, прошедших в октябре 1413 г., стала договоренность о личной встрече папы с Сигизмундом, запланированной на конец ноября в Лоди³⁸. Участие в ней также готовились принять итальянские союзники короля, делегаты от Флоренции и от герцога Карла Орлеанского, представлявшего французскую корону. Таким образом, на самом деле встреча превращалась в настоящий международный конгресс. Формально в его задачи входило закрепление решений по церковному собору путем личного обмена гарантиями между понтификом и Люксембургом. В политической плоскости конференция обещала стать местом соглашения ее участников против Неаполя. Но, как оказалось, конечная цель была в другом. По инициативе Флоренции в повестку был добавлен вопрос о мире между Сигизмундом и Венецией. Флоренция же начала вести переговоры с Республикой св. Марка о возможности ее участия в готовящемся мероприятии³⁹. Последняя не сразу дала согласие. Сигизмунд и папа Иоанн XXIII в конце ноября уже встретились в Лоди. Венеция же выдала назначение своим делегатам лишь 4 декабря⁴⁰. Можно считать неслучайным, что спустя пять дней папа Иоанн XXIII выпустил буллу о созыве собора в Констанце⁴¹. Тем самым он подтвердил октябрьские договоренности и вытекающий из них сценарий, по которому церковный собор должен был предшествовать гипотетическому походу Сигизмунда в Италию, а не наоборот. Теперь до открытия собора появлялся шанс урегулировать отношения между Венецией и римским королем. Для Византии это был принципиально важный момент, дававший ей возможность принять участие в процессе.

³⁸ Gölter E. König Sigismunds Kirchenpolitik... S. 160.

³⁹ Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 33–34.

⁴⁰ Ibid. S. 35; Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 48–49.

⁴¹ Mansi. Vol. 27. P. 537–541.

Мануилу Хрисолоре оставалось лишь использовать всю информацию, которой он теперь располагал. Едва ли перед ним стояла задача донести все сведения лично до императора. Скорее всего, у последнего заранее был готов план примирения участников европейского конфликта. Как отмечалось выше, он мог быть основан на опыте договора, подписанного в Галлиполи в 1403 г. Чтобы в нужный момент запустить в действие механизм его исполнения, от Мануила должен был исходить сигнал дипломату, уже находящемуся поблизости. По одной из гипотез, имеющих место в историографии, еще в 1413 г. на Западе появился его племянник⁴². Не случайно следы местонахождения самого Мануила для историков теряются с середины ноября того же года⁴³. Из Ломбардии он мог отправиться на встречу с Иоанном. Если исходить из этого допущения, то последний был тем самым греком, который выступил в венецианском Сенате с предложением о посредничестве императора в конфликте Республики с Люксембургом.

Теперь становится понятно, почему это предложение последовало лишь на рубеже 1413–1414 гг., а не сразу после воцарения на Востоке нового султана Мехмеда I. Византийская инициатива была совмещена с политическим конгрессом в Лоди, проходившим с конца 1413 г. Оттуда переговоры переместились в Кремону, где завершились во второй половине января. Однако положительных результатов они не достигли⁴⁴. Венеция и Люксембург продолжали упорно отстаивать свои притязания на побережье Далмации. Не было принято и предложение Республики в обмен на уступку поддержать короля флотом, если он вступит в войну с турками. Очевидно, с политическим поражением на Балканах для Сигизмунда исчез бы и смысл крестового похода. Византийский ответ явно не оправдывал его ожиданий. Люксембург мог рассчитывать, что император отзовется на идею церковной унии, дав королю повод обратиться с этим вопросом к папе. Тогда у Иоанна XXIII появлялось бы безупречное основание связать себя с Сигизмундом. Если бы план короля сработал, то Венеция могла получить крайне невыгодную для себя картину. С одной стороны, явился бы союз Люксембурга с Византией на Востоке, благословленный папой и направленный против турок, а с другой – союз Сигизмунда с понтификом против Неаполя. В первом случае Республика рисковала потерять преимущества перед венгерской короной на Балканах, во втором – столкнуться в Италии с растущими амбициями Флоренции.

⁴² *Mureşan D. N. Une histoire de trois empereurs. Aspects des relations de Sigismond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paléologue // Emperor Sigismund and the Orthodox World / ed. E. Mitsiou. Wien, 2010. P. 69–70.*

⁴³ *Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras... S. 101.*

⁴⁴ *Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 49.*

Однако Византия явно была слабым местом в планах короля, поскольку не собиралась играть в европейской политике на его стороне. Крестовый поход как способ достижения целей одними силами на Западе за счет других не обещал Константинополю ничего хорошего. Поэтому сигнал, исходивший от Сигизмунда на октябрьских переговорах в присутствии Хрисолоры, император попросту проигнорировал. Вместо положительного отзыва на идею церковной унии последовало предложение о посредничестве. Венецианский Сенат отреагировал на него 8 января 1414 г.⁴⁵ В это время переговоры, начавшиеся в Лоди и продолженные в Кремоне, еще шли, но их безрезультатный исход уже был предсказуем. Ответ Республики, данный дипломату, в роли которого можно предполагать младшего Хрисолору, на первый взгляд, не вызывает вопросов. Формально Венеция отклонила предложение императора на том основании, что миссия посредника уже передана папе. Внешне это заявление вписывалось в текущую обстановку. Действительно, соглашения о церковном соборе подразумевали, что на нем понтифик будет вправе признать Люксембурга римским королем, обещать ему императорскую корону и благословить на поход в Италию.

Однако отныне все, включая византийцев, имели право задуматься над тем, о чем пока никто не говорил открыто: какие могли быть гарантии, что на церковном соборе папой останется Иоанн XXIII? Опыт Пизанского собора 1409 г. подсказывал, что под прикрытием борьбы со схизмой всех антипап можно низложить вне зависимости от степени их признания. В этом случае посредническая функция автоматически должна была перейти к следующему папе, но его выборы под разными предложениями могли просто затянуться. Вероятность именно такого развития событий, очевидно, предвидел Сигизмунд уже в октябре 1413 г., накануне конференции в Лоди. Потому-то он и связал в присутствии Мануила Хрисолоры тему церковной унии со странным намеком, что на будущем соборе может быть заново поставлен вопрос о латинской схизме. В форме церковной унии он рассчитывал получить не только стратегически важный союз с Византией. Уния могла стать для него еще и серьезным средством легитимации «пизанского» папы.

После провала попыток достичь соглашения с Сигизмундом на рубеже 1413–1414 гг. Венеция перешла к решительным действиям на итальянской политической арене. Республика, которая до последнего избегала необходимости связывать себя обязательствами, в феврале начала переговоры с Миланом. 10 марта 1414 г. два государства заключили оборонительный союз на пять лет⁴⁶. Как минимум, до на-

⁴⁵ См. сноску 9.

⁴⁶ *Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 52.*

чала собора было воздвигнуто серьезное препятствие для Сигизмунда в его попытках построить себе плацдарм в Ломбардии. Вслед за тем для Венеции наступил момент, чтобы разрушить альянс Флоренции с папой. Договор венецианцев с Миланом ограничил ее способность заигрывать с Сигизмундом в вопросе о помощи против Неаполя. В результате немедленно оживилась активность неаполитанского короля Владислава. Уже 14 марта он был в Риме, откуда папа был изгнан им почти двумя годами ранее. В апреле его силы медленно, но уверенно двинулись на север. В конце весны Флоренция была вынуждена начать переговоры с Неаполем и 22 июня подписала с Владиславом мирный и союзный договор⁴⁷. Ее альянс с папой был расторгнут. Рим оставался под властью неаполитанского правителя, пообещавшего лишь не посягать на Болонью. Стратегия Сигизмунда на итальянском направлении, таким образом, потерпела серьезное поражение.

В изменившейся ситуации, когда его позиции по отношению к Венеции серьезно пошатнулись, возрастала вероятность того, что король все-таки пойдет по пути компромисса. Именно тогда, в июне 1414 г., в Понтестуре на северо-западе Италии и состоялась встреча Сигизмунда с Иоанном Хрисолорой. Как теперь ясно, византийского дипломата вела туда та же самая цель – попытка посредничества между королем и Венецианской республикой. Все сказанное позволяет понять и причину, по которой Сигизмунд в ответном письме императору не поднимал вопрос о церковной унии. Недавняя реакция Византии уже обнаружила позицию Константинополя. Не касаясь проблемы унии, король в письме не мог коснуться и папы, хотя здесь, по-видимому, все обстояло еще сложнее. Сигизмунд не сослался на Иоанна XXIII не просто в связи с отсутствием в письме униатской тематики. Он не упомянул о нем даже в нейтральном контексте. Что-то не позволяло сказать хотя бы о том, что папа будет крайне рад встретить в Констанце гостей с Востока. Объяснение этому теперь есть. Соглашения о церковном соборе, достигнутые в конце 1413 г., с одной стороны, основывались на признании роли понтифика как посредника между римским королем и Венецией. Но с другой стороны, они же негласно допускали, что сам Иоанн XXIII до этой миссии допущен не будет, если Констанцкий собор откажет ему в признании. У Сигизмунда не было никакой уверенности в том, что ему удастся поставить церковный форум на службу своим интересам.

Благодаря Мануилу Хрисолоре византийская дипломатия не могла не замечать тучи, начавшие сгущаться над головой «пизанского» понтифика. Весной 1414 г. к Сигизмунду обратился кардинал Доминичи,

⁴⁷ Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 56; Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 45.

входивший в состав курии «итальянского» антипапы Григория XII⁴⁸. От него исходил проект добровольного отречения всех участников Великой схизмы, а в случае отказа – низложения их церковным собором. Сигизмунду было трудно игнорировать подобные инициативы. В Германии сохранялась немалая группировка сторонников Григория XII. Далеко не все князья одобряли политику Люксембурга, которая из-за интересов венгерской короны втянула империю в конфликт с Венецией. А потому для него становилось тем более недопустимым любое упоминание папы в письме византийскому императору летом 1414 г. В противном случае на Востоке могли усмотреть в этом готовность короля любой ценой не допустить отречения Иоанна XXIII, что грозило бы неминуемым обострением его конфликта с Венецией. Одна из задач Иоанна Хрисолоры, по-видимому, и состояла в том, чтобы сделать выводы о позиции, занимаемой Сигизмундом по отношению к папе. В связи с этим заслуживает безусловного внимания решение Люксембурга, принятое в конце июня или начале июля 1414 г., когда византийский дипломат, скорее всего, еще находился у короля.

Этим решением явилось назначение доверенного лица для переговоров с антипапой Григорием XII⁴⁹. Речь шла о вызове последнего на предстоящий церковный собор. Местом его пребывания в тот момент был Римини – владение графа Малатеста. Важно отметить и другое. Назначенный королем посол должен был совместить свою миссию с визитом в Венецию. Его целью был запрос о намерении Республики присутствовать на Констанцском соборе. 19 июля 1414 г. Сенат давал ответ королевскому агенту. Велика вероятность, что одновременно с ним в Венеции находился Иоанн Хрисолора. Скорее всего, именно он в те же дни вступил в контакт с Сенатом, о чем будет сказано ниже. Если дело обстояло так, то пути обоих дипломатов, берущие начало при дворе Люксембурга, шли параллельно друг другу. В эту картину ложится и еще один факт. 19 июля, в день встречи с посланником короля, венецианский Сенат вынес также решение о посольстве к султану Мехмеду I⁵⁰. Перед миссией на Восток была поставлена задача восстановления с новым османским правителем соглашения, которое ранее Республика подписала с Мусой⁵¹. Трудно допустить случайный характер этих совпадений. Какие же выводы можно из них сделать?

⁴⁸ ACC. Bd. 1. № 67. S. 272–275; Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik... S. 162–164.

⁴⁹ ACC. Bd. 1. S. 196–197; Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik... S. 167–168.

⁵⁰ Régestes des délibérations... № 1538.

⁵¹ Договор Венеции с Мусой Челеби был подписан летом 1411 г. См.: *Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden ; Boston, 2007. P. 177–178.*

Сигизмунд, вступая в контакт с антипапой Григорием XII на виду у Венеции и византийского дипломата, тем самым показывал, что он принимает неизбежность вынесения на церковный собор вопроса о латинской схизме. Однако эта внешняя демонстрация едва ли вызывала доверие других сторон. Настораживало обещание, данное королем византийскому императору, рассмотреть на соборе проблему борьбы с турками. Планы Люксембурга организовать крестовый поход на фоне незавершенного конфликта с Венецией едва ли вызывали положительную реакцию на Востоке. Но они не могли не тревожить и Венецию. В результате королевскому послу, направлявшемуся к Григорию XII, Сенат ответил, что говорить о гарантиях венецианского присутствия на будущем соборе еще рано⁵². Подобное заявление фактически служило предупреждением, что попытка Люксембурга превратить собор в орудие своей политики заставит Республику не признавать его. Одновременно – и словно демонстративно – Венеция запустила в одностороннем порядке процесс переговоров с османским султаном. Для Византии это был явно плохой знак, который мог наблюдать Иоанн Хрисолора. 24 июля Сенат выразил византийскому дипломату благодарность за стремление императора к налаживанию мира между Республикой и венгерским королем, а также заявил, что соглашение возможно на почетных условиях⁵³. Однако реальность вовсе не вселяла уверенности в скором умиротворении.

В июле 1414 г. в Венеции засвидетельствовано появление и старшего Хрисолоры – Мануила⁵⁴. После осенних встреч в Ломбардии местом его пребывания, возможно, была Болонья, служившая временным пристанищем курии Иоанна XXIII. Сам понтифик вернулся туда же в феврале после переговоров с Сигизмундом в Лоди и Кремоне. Таким образом, в Венеции оба византийца имели возможность встретиться. Историография допускает также, что Мануил мог сопровождать Иоанна, возвращавшегося на родину с посланием от Сигизмунда. Теперь в подтверждение этой версии появляется еще один аргумент. В складывающихся обстоятельствах перед императором стояла задача принципиального выбора: кого из двух родственников отправить на Констанцкий собор? В назначении того или другого прочитывался его ответ королю. Между тем для встречи с византийским правителем грекам не было необходимости следовать в Константинополь. В июле того же года Мануил II Палеолог выехал из своей столицы. Осенью он находился в Фессалонике. Дорога в Констанц, которая вскоре предстояла одному из его дипломатов, тем самым тоже становилась короче.

⁵² ACC. Bd. 1. № 72. S. 293–294.

⁵³ *Régestes des délibérations...* № 1544.

⁵⁴ *Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras...* S. 102.

Иоанн Хрисолора перед отъездом от Сигизмунда, скорее всего, успел стать свидетелем и еще одного важного решения. В местечке Трино (Пьемонт), куда в конце июня переместился двор короля из Понтестуры, Люксембург встретился с посланником маркграфа Феррары. С ним было достигнуто соглашение о том, что в ноябре послы Люксембурга проведут там новые переговоры с Венецией⁵⁵. Время встречи было выбрано совсем не случайно. В ноябре папа Иоанн XXIII уже обязан был находиться в Констанце. Таким образом, от исхода назначенных переговоров в Ферраре зависела его судьба. Положительный результат означал бы, что собор подтвердит пизанские постановления 1409 г. В ином случае следовало ожидать добровольного или принудительного отречения всех антипап.

Сам понтифик прекрасно осознавал, что его готовят на роль потенциальной жертвы в дипломатической игре, по правилам которой в Констанце ему, возможно, предложат добровольно отречься. Правда, одно обстоятельство дало Иоанну XXIII слабую надежду избежать этого. 6 августа неожиданно для всех в результате скоротечной болезни в возрасте 39 лет скончался неаполитанский король Владислав Дуратцо. Для папы исчезла формальная необходимость в политическом союзе с Люксембургом. Теперь он считал возможным уклониться от личного присутствия на церковном соборе. Но, как видно, понтифик хорошо знал, где на самом деле решается его судьба. Уже через несколько дней его представитель явился в Венецию. Посол не только огласил соответствующие пожелания папы, но и предложил Республике союз с ним, который якобы надежно закроет Италию от вмешательства с севера⁵⁶. Попытка понтифика в изменившихся условиях договориться с Венецией за счет римского короля выглядит удивительно. Но производит впечатление и реакция Республики, которая отклонила его просьбу. Все говорит о том, что Венецию папа интересовал не в качестве союзника против Люксембурга, а как посредник, способный обеспечить ей соглашение с королем. В противном случае готовился сценарий, в котором фигура понтифика должна была уйти с политической арены на время, в течение которого действовал договор о пятилетнем перемирии 1413 г. Не случайно Констанцкий собор впоследствии избрал папу Мартина V (1417–1431) за несколько месяцев до истечения этого срока.

Летом 1414 г., когда момент открытия собора стремительно приближался, ситуация начала меняться не только в Италии как эпицентре международной политики. Знаковые движения происходили за

⁵⁵ *Herre H.* Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 46. Anm. 4.

⁵⁶ *Schiff O.* König Sigmunds italienische Politik... S. 42.

Альпами, где Сигизмунд предпринимал небезуспешные попытки создать северную коалицию. Большое значение для него имело сближение с герцогом Людовиком Анжуйским – претендентом на неаполитанский престол. 25 июня в названном выше местечке Трино король укрепил союз с орлеанистами и через них с французской короной. Союз формально был направлен против герцога Бургундского⁵⁷. Уже в июле 1414 г. Люксембург обратился с письмом к английскому монарху Генриху V (1413–1422), которого убеждал в заманчивых перспективах, открываемых союзом трех заальпийских корон – римской, французской и английской⁵⁸. Послание в Лондон появилось примерно в то же время или чуть позже его ответа на миссию Иоанна Хрисолоры. Но в этом письме король уже не уклонился от вопроса, касавшегося понтифика. Здесь он открыто допускал явку на собор всех трех антипап – Бенедикта XIII, Григория XII и Иоанна XXIII. Правда, лишь на последнего из них Люксембург указал как на действительного понтифика, упомянув остальных под их личными именами. Автор считал возможным отказ их всех от присутствия на соборе, но уверял, что при согласии трех северных монархов это не мешает успеху будущего церковного форума. Таким образом, фактически было выражено признание того, что в повестке собора окажется проблема схизмы. Но дальше напрашивались вполне определенные выводы. Как видно, Сигизмунд рассматривал два желательных варианта. Первый подразумевал отстаивание исключительной законности «пизанского» папы Иоанна XXIII. В случае гипотетической неявки последнего альтернативой могло быть только его низложение и избрание там же нового понтифика, лояльного римскому королю. Впрочем, вскоре такая возможность отпала, как только стало ясно, что даже кончина неаполитанского правителя не освободила Иоанна XXIII от необходимости отправления в Констанц.

Папа прибыл на открытие форума в последние дни октября 1414 г. Его соперник Григорий XII был представлен заочно. Бенедикт XIII, находившийся под покровительством арагонского короля, собор не признал. Впрочем, главной интригой становился вопрос о судьбе первой из этих трех фигур. Основное значение теперь имели итоги дипломатической встречи, одновременно начавшейся в Ферраре, где собрались посольства от Сигизмунда и Венеции при посредничестве представителей папы, Флоренции и немецких курфюрстов. Переговоры быстро завершились провалом, и внешне причина была очень проста. Кризис

⁵⁷ *Reitemeier A. Aussenpolitik im Spätmittelalter... S. 268.*

⁵⁸ *ACC. Bd. 1. № 103. S. 375–377; Kintzinger M. Westbindungen im spätmittelalterlichen Europa: Auswärtige Politik zwischen dem Reich, Frankreich, Burgund und England in der Regierungszeit Kaiser Sigmunds. Stuttgart, 2000. S. 77.*

носил двойной характер. С одной стороны, он содержал в себе конфликт между морской Республикой и империей в Италии, с другой – спор между Венецией и венгерской короной на Балканах⁵⁹. Ведущее значение имел именно второй фактор, но на встрече в Ферраре делегаты от Сигизмунда изъявили готовность к мирному соглашению только в первой части. Неудивительно, что Венеция отвергла навязываемую ей формулу. Мир с Люксембургом был для нее приемлем только в обеих плоскостях – на Востоке и на Западе.

Провал переговоров в Ферраре сделал практически неизбежным вынесение на церковный собор вопроса о латинской схизме. Тем самым судьба Иоанна XXIII, уже открывшего собор, была предрешена. Правда, соответствующий разворот совершался постепенно по мере наполнения собора прибывающими участниками. Теоретически Сигизмунд еще мог силой своего авторитета направить выбор решения по пути подтверждения статуса «пизанского» понтифика. Однако вскоре на соборе начали раздаваться явно подготовленные голоса, которые оспаривали право римского короля вмешиваться в дела церкви, отводя ему лишь функцию ее защитника⁶⁰. На практике особенно ярко этот подход продемонстрировала расправа с Яном Гусом, который был взят под стражу уже в декабре, вопреки гарантиям Люксембурга. Прецедент с чешским реформатором играл на руку и тем, кому было выгодно разобщение между папой и королем. Иоанн XXIII поддержал решение об аресте Гуса. Противопоставляя себя Сигизмунду, чьи возможности отстоять его становились все более сомнительными, он еще мог надеяться сохранить свою легитимность, пытаясь возглавить собор и контролировать его. Однако вскоре здесь все-таки возобладало мнение о необходимости отречения папы во имя восстановления единства западной церкви.

Впрочем, в первые месяцы 1415 г. еще не было уверенности в том, как дальше поведут себя сам папа, король Сигизмунд и собственно собор. Именно в этой обстановке, пожалуй, можно отыскать решение одной историографической проблемы, которая заключается в определении времени начала византийского дипломатического присутствия в Константинополе. Известным фактом является пребывание на соборе Мануила Хрисолоры, который скончался там же в апреле 1415 г.⁶¹ Гораздо труднее определяется момент, с которого можно вести отсчет его миссии. Между

⁵⁹ *Wakouning M.* Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum. Wien, 1990. S. 116.

⁶⁰ *Frenken A.* Der König und sein Konzil. Sigismund auf der Konstanzer Kirchenversammlung // АНС. 2004. Bd. 36. S. 232–233.

⁶¹ *Thorn-Wickert L.* Manuel Chrysoloras... S. 111.

тем с этим связан и далеко не простой вопрос о ее назначении. Ведь Хрисолора до самого конца так и не сделал никакого заявления.

В историографии некогда имела место точка зрения Р.-Ж. Ленерца, что Хрисолора прибыл в Констанц вместе с папой Иоанном XXIII в конце октября 1414 г.⁶² Однако эта версия, скорее всего, исходила из факта присутствия византийца в окружении папы с момента его избрания. Между тем, по имеющимся данным, Хрисолора летом 1414 г. уже был в Венеции, откуда мог выехать на встречу с императором в сопровождении своего племянника Иоанна. В подтверждение последней гипотезы, как отмечалось выше, теперь можно привести дополнительные основания. Также нельзя ничем подтвердить, что путь Мануила в Констанц лежал через Болонью, а потому современные исследователи скептически относятся к утверждению Р.-Ж. Ленерца и рисуют более сложную картину. В соответствии с ней первое свидетельство, упоминающее о прибытии на Констанцкий собор неназванного посланника из Константинополя, относится к январю 1415 г.⁶³ Позднее визит некоего византийского дипломата был зафиксирован в письме анонимного чешского участника конгресса. В соответствии с ним, он датируется 3 марта 1415 г.⁶⁴ Тот же Р.-Ж. Ленерц предполагал, что в последнем случае это мог быть обычный курьер, доставивший Мануилу Хрисолоре инструкции императора. Однако более убедительна точка зрения С. Кольдица, согласно которой речь в источнике все-таки идет о самом Хрисолоре⁶⁵. По мнению Г.-Г. Бека, Хрисолора находился на соборе и раньше, но лишь 3 марта мог официально выступить в статусе посла⁶⁶. Для доказательства того, что он являлся тем же лицом, прибытие которого в Констанц имело место уже в январе, требуется ответить на вопрос: могла ли быть причина, способная на несколько недель отсрочить начало его официальной миссии, и при каких условиях она стала возможной не ранее начала марта 1415 г.?

Проделанный выше анализ уже позволяет сделать вывод, что византийский император совершенно неслучайно проигнорировал желание Сигизмунда, просившего его, хотя и крайне мягко, отправить на Констанцкий собор младшего Хрисолору – Иоанна. Внешне ничего не значившая просьба таила в себе особый смысл, как и загадочное

⁶² Loenertz R.-J. Les Dominicains Byzantins Théodore et André Chrysobergés et les negotiations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430 // AFP. 1939. Vol. 39. P. 14.

⁶³ Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras... S. 107; Kolditz S. Byzanz und das Konstanzer Konzil... S. 53.

⁶⁴ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden... № 3345.

⁶⁵ Kolditz S. Byzanz und das Konstanzer Konzil... S. 53.

⁶⁶ Beck H.-G. Byzanz und der Westen im Zeitalter des Konziliarismus // Vorträge und Forschungen. 1965. Bd. 9 : Die Welt zur Zeit des Konstanzer Konzils. S. 144.

молчание в том же послании о церковной унии, которая еще совсем недавно служила одним из главных мотивов предыдущих обращений Люксембурга. В ситуации, имевшей место летом 1414 г., из тактико-дипломатических соображений он не мог предлагать Византии ничего, что подразумевало бы участие папы, так как судьба последнего висела на волоске и зависела от исхода предстоящей в ноябре вышеупомянутой встречи в Ферраре. Ее итогов должен был дожидаться и византийский император, прежде чем выбрать и отправить дипломата. Сигизмунду же оставалось лишь надеяться, что даже в случае провала переговоров в Италии император Византии протянет ему руку, выразив согласие с провозглашенными в письме намерениями короля о борьбе с турками. Сами греки, скорее всего, не только не просили о военной помощи против османов, но в действительности и не желали ее. Однако если бы они отреагировали именно так, то у Сигизмунда действительно появилось бы основание вынести на собор вопрос о церковной унии. Она не только скрепила бы его союз с Византией, но и помогла бы предотвратить угрозу отречения Иоанна XXIII. В случае же низложения «пизанского» папы задача унии с Востоком способна была оправдать срочный порядок избрания нового понтифика в интересах римского короля.

Судя по всему, в Византии на всё смотрели по-другому. Поэтому, несмотря на пожелание Сигизмунда встретить на соборе Иоанна Хрисолору, в Констанц отправился Мануил. Выбор, сделанный императором, был сигналом для короля. В нем прочитывался отказ Византии играть по его сценарию. И если Мануил прибыл в январе, согласно имеющемуся свидетельству, то это значит, что император принимал решение после того, как ему стали известны результаты ноябрьских переговоров в Ферраре. Следовательно, Хрисолора на самом деле не мог прибыть на церковный собор в сопровождении понтифика. Однако были причины, по которым и после прибытия ему сначала действительно полагалось находиться там в качестве частного лица. Тем самым Византия демонстрировала свой нейтралитет в игре, которая шла уже за кулисами церковного собора. Не вступая в роль дипломата, Мануил был вправе никак не реагировать на последнее обращение Люксембурга и не принимать новые предложения в подобном же духе. Византийский император попросту давал понять, что никакой контакт, который может быть интерпретирован как попытка установления союзных отношений, для него принципиально неприемлем. Но с какой же тогда целью Мануил вообще прибыл в Констанц, и какое условие требовалось ему, чтобы лишь в определенный момент выложить верительную грамоту?

Приезд Хрисолоры на Констанцкий собор фактически был продолжением его миссии, которую прежде он исполнял при папе Иоанне XXIII. Визит был предназначен для того, чтобы принять приглашение

к переговорам о церковной унии не от римского короля, а от понтифика. Но для Византии оно имело бы смысл только при наличии двух условий. Инициатива должна была исходить от папы, имевшего твердое признание со стороны обеих сил, между которыми он стоял, – короля Сигизмунда и Венеции. К концу 1414 г. это условие уже становилось невыполнимым. Второе условие было гораздо более серьезным. Оно не реализовалось на протяжении всего периода понтификата Иоанна XXIII, из-за чего Хрисолора пребывал рядом с ним опять же лишь в качестве неофициального агента императора. Византийцы были готовы к переговорам, если бы папа был способен гарантировать дипломатическое соглашение между вышеупомянутыми политическими игроками. Переговорный процесс в таком случае должен был соединить его как посредника, стоящего между римской короной и Венецией на Западе, с византийским императором как посредником между морской Республикой и венгерской короной на Востоке. Церковная уния оказывалась здесь тем инструментом, который связал бы стороны европейского конфликта с Константинополем не напрямую, а через понтифика. Подобный механизм гарантировал нейтралитет императора по отношению к ним. Этим нейтралитетом, во-первых, исключалось его собственное участие в военной акции против турок, грозившей нарушением международного равновесия. Во-вторых, тот же принцип был призван удерживать на расстоянии друг от друга те силы, чье гипотетическое объединение обещало воплотиться в форме антитурецкого альянса. И если бы император получил в свои руки средство, способное предотвратить такую возможность, то под его ситуативный союз с султаном мог быть заложен надежный фундамент. Сама идея крестового похода, таким образом, изначально была несовместима с византийской стратегией, которая лежала в основе проекта церковной унии с латинянами. По-видимому, его содержанием был все-таки политический прагматизм, а не стремление к сомнительному союзу с абстрактным Западом против османов.

На Констанцском соборе посредническая миссия понтифика имела возможность реализоваться во взаимодействии с восточным императором. Весь вопрос был в том, с каким папой грекам вскоре предстоит иметь дело. В момент назначения Мануила Хрисолоры правителю Византии уже было ясно, что Констанцкий собор действительно поставит вопрос о низложении Иоанна XXIII. К моменту избрания нового папы участники конфликта могли прийти либо в готовности заключить мир, либо в решимости возобновить войну. На исходе 1414 г. никаких предпосылок к мирному соглашению не возникло, а потому следовало ожидать, что не только состоится отречение Иоанна XXIII, но и выборы следующего понтифика будут отсрочены, давая возможность обеим сторонам набраться сил к моменту истечения перемирия.

Все сказанное означает, что Мануилу Хрисолоре после приезда на Констанцкий собор, перед тем как официально заявить о себе, сначала требовалось дожидаться момента, который внесет окончательную ясность в вопрос о судьбе «пизанского» папы. Дипломат мог вступить в свои права в двух ситуациях. Во-первых, в случае подтверждения церковным собором статуса Иоанна XXIII и признания латинской схизмы законченной. Но надежды на это уже практически не было. Оставался второй вариант, который требовал дожидаться момента, когда легитимность понтифика будет полностью исчерпана. Последнее и объясняет причину, по которой аккредитация посла могла состояться именно 3 марта 1415 г. Ровно за день до этого на генеральной сессии Констанцкого собора Иоанн XXIII поклялся в том, что добровольно отречется от тиары⁶⁷.

В данной версии находит также объяснение причина, по которой Хрисолора и далее не делал никаких заявлений. До весны 1415 г. его задача сводилась к пассивному присутствию на соборе подобно тому, как прежде он на протяжении нескольких лет находился рядом с Иоанном XXIII. Но вступив в официальный статус сразу же после заявления последнего о своем отречении, посол тем самым давал понять, что ожидает получить приглашение к переговорам о церковной унии от следующего папы. Это был и сигнал о том, что император заинтересован в скорейшем его избрании. Ведь отсроченные выборы означали бы, что в ближайшее время текущий конфликт не будет разрешен. Предположительный ответ императора, скорее всего, Хрисолора уже имел при себе. Он мог быть утвердительным, если бы предложение исходило от понтифика одновременно с обязательствами, которые должны были связать его с Венецией и римским королем. Иными словами, заявление об унии с латинской стороны ожидалось в качестве жеста, приглашающего императора к посреднической миссии вместе с папой.

Хрисолора не дождался выборов нового папы. Но задача следующего византийского посольства в Констанц едва ли могла быть иной. Всё осложнялось тем, что ни события на церковном соборе, ни международная обстановка, окружающая его, не давали грекам надежду на скорое политическое урегулирование на Западе. С одной стороны, перемирие между Венецией и Люксембургом еще удерживало их от прямого столкновения, а удаление понтифика с политической арены в результате низложения Иоанна XXIII временно стабилизировало политический климат в Италии. Однако, с другой стороны, теперь внутренние пружины конфликта грозили обострением ситуации за Альпами и на Балканах. Не случайно накануне Констанцкого собора византийский император отправился из Константинополя в Фессалонику и на

⁶⁷ Mansi. Vol. 27. P. 567–568.

Пелопоннес. Сам же собор надолго стал объектом его внимания, свидетельствуя о том, что в стремлении решить проблемы на Востоке правитель ромеев находил их истоки в лабиринтах европейской политики.

REFERENCES

Altmann, W. (Ed.). (1896–1897). *Regesta Imperii XI: Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437)* (Vol. 1). Innsbruck: Wagner.

Beck, H.-G. (1965). Byzanz und der Westen im Zeitalter des Konziliarismus. *Vorträge und Forschungen*, 9, 135–148.

Beckmann, G. (1902). *Der Kampf Kaiser Sigmunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen*. Gotha: Perthes.

Brandmüller, W. (1990). *Papst und Konzil im Grossen Schisma (1378–1431). Studien und Quellen*. Paderborn: Schöningh.

Brandmüller, W. (1991–1997). *Das Konzil von Konstanz 1414–1418* (Vols. 1–2). Paderborn: Schöningh.

Dennis, G. (1967). The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. *Orientalia Christiana Periodica*, 33, 72–88.

Dölger, F. (1965). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453* (Vol. 5). München; Berlin: C. H. Beck.

Finke, H. (1896). *Acta Concilii Constanciensis* (Vol. 1). Münster: Druck und Verlag der Regensburgschen Buchhandlung.

Frenken, A. (Ed.). (2004). Der König und sein Konzil. Sigismund auf der Konstanzer Kirchenversammlung. *Annuario Historiae Conciliorum*, 36, 177–242.

Girgensohn, D. (1996). *Kirche, Politik und adelige Regierung in der Republik Venedig zu Beginn des 15. Jahrhunderts* (Vol. 1). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Girgensohn, D. (2007). Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxis: Pisa 1409. *Vorträge und Forschungen*, 67, 61–94.

Göller, E. (1902). *König Sigismunds Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz IX bis zur Berufung des Konstanzer Konzils (1404–1413)*. Freiburg/Br.: Caritas-Druckerei.

Herre, H. (1902). Die Beziehungen König Sigismunds zu Italien von Herbst 1412 bis zum Herbst 1414. *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*, 4, 1–62.

Hoensch, K. J. (1996). *Kaiser Sigismund. Herrscher an der Schwelle zur Neuzeit 1368–1437*. München: C. H. Beck.

Jorga, N. (1899). *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades XVe siècle* (Vol. 1). Paris: E Leroux; Bucarest: Ed. de l'Académie roumaine.

Jorga, N. (1908). *Geschichte des Osmanischen Reiches* (Vol. 1). Gotha: Perthes.

Kastritsis, D. J. (2007). *The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden; Boston: Brill.

Kintzinger, M. (2000). *Westbindungen im spätmittelalterlichen Europa: Auswärtige Politik zwischen dem Reich, Frankreich, Burgund und England in der Regierungszeit Kaiser Sigismunds*. Stuttgart: Thorbecke.

Kolditz, S. (2017). Byzanz und das Konstanzer Konzil (1418–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliaren Korrespondenz Sigismunds und Manuels II. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 67, 43–64.

Loenertz, R.-J. (1939). Les Dominicains Byzantins Théodore et André Chrysobergés et les negotiations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430. *Archivum Fratrum Praedicatorum*, 39, 5–61.

Mansi, J. D. (Ed.). (1903). *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio* (Vols. 27–28). Paris; Leipzig: Welter.

Mureşan, D. N. (2010). Une histoire de trois empereurs. Aspects des relations de Sigimond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paléologue. In E. Mitsiou (Ed.), *Emperor Sigismund and the Orthodox World* (pp. 41–101). Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Pashkin, N. G. (2007). *Vizantiia v evropeiskoi politike pervoi poloviny XV v. (1402–1438)* [Byzantium in the European Politics of the First Half Fifteenth Century (1402–1438)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Pashkin, N. G. (2019). O vizantiiskoi reaktsii na Pizanskii sobor 1409 g. [On Byzantine Reaktion to the Council of Pisa in 1409]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 47, 234–257. <https://doi.org/10.15826/adsv.2019.47.016>

Pashkin, N. G. (2020). K voprosu o tseli vizantiiskoi ataki na Gallipoli 1410 g. [Aims of the Byzantine Attack on Gallipoli in 1410]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 156–171. <https://doi.org/10.15826/adsv.2020.48.010>

Pashkin, N. G. (2021). Sredizemnomorskii vector mezhdunarodnykh otnoshenii v zerkale konflikta Sigismunda Liuksemburga s Venetsiei (1411–1413) [Mediterranean Vector of International Relations in the Mirror of Sigismund of Luxembourg's Conflict with Venice (1411–1413)]. *The Journal of Education and Science "Istoriya" ("History")*, 12. Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840015139-1-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840015139-1>

Reitemeier, A. (1999). *Aussenpolitik im Spätmittelalter: Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England 1377–1422*. Paderborn: Schöningh.

Schiff, O. (1909). *König Sigmunds italienische Politik bis zur Romfahrt (1410–1431)*. Frankfurt/Main: J. Baer & Co.

Thiriet, F. (Ed.). (1959). *Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Roumanie* (Vol. 2). Paris: Mouton & Co.

Thorn-Wickert, L. (2006). *Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance*. Frankfurt/Main: Lang.

Wakouning, M. (1990). *Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum*. Wien: VWGÖ.

Пашкин Николай Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000 Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: ngpaschkin@yandex.ru

Pashkin, Nikolai Gennadievich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Medieval History Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave, 620000, Ekaterinburg, Russia
Email: ngpaschkin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0615-568X>